Ю. ЛАРИН

АЛКОГОЛИЗМ
ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ И БОРЬБА С НИМ

ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ
Москва — 1929

Мосгублит № 41912. 19-я тип. „Мосполиграф'а". ул. Огарева, 9. Тир. 5000.

Алкоголизм промышленных рабочих

(По данным МГСПС).

После пятнадцатого с'езда партии борьба с развитием алкоголизма среди рабочих становится все более в порядок дня. Для успеха этой борьбы и для правильного выбора путей большое значение имеют: 1) ознакомление с фактическим характером алкоголизма среди рабочего населения; 2) установление роли этого явления в народном хозяйстве, сопоставление прямых и косвенных убытков с получаемыми выгодами.

Освещение первого пункта вносит ясность в понимание реальных размеров опасности и облегчает выбор средств для ее преодоления. Освещение второго пункта дает возможность наметить действительные размеры задачи по замещению в госбюджете и во всем народном хозяйстве доходов от спиртных напитков другими источниками.

Для понимания и освещения структуры современного рабочего алкоголизма в СССР необычайно ценное значение имеют подробные массовые бюджетные разработки, которые ведутся МГСПС в Москве и Московской губернии уже в течение пяти лет (1924—1928 г.г.) [1].

Развитие алкоголизма среди рабочих Москвы с губернией является достаточно типичным для всех крупных рабочих районов. Правда, в Ленинграде в среднем на душу выпивали несколько больше, а в Туле еще больше. Не отстает и Донбасс. Зато в некоторых других районах пьянство немного меньше. Так что в среднем Москва является в этом смысле достаточно показательной. К тому же на Москву с губернией, по данным профсоюзов, приходится около 20% всего пролетариата СССР.

[1] Сведения эти разработаны теперь в 30 таблицах и любезно доставлены нам зам. завед. Московской статистики труда тов. Вовси.

В Москве (без губернии) за 1927/28 год выпито около 330 тыс. гектол. водки (по данным Центроспирта о продаже). При среднем размере московской семьи в 4 человека это дает около 65 литров водки в год на среднюю московскую семью. Пива приходится по такому же расчету около 90 литров в год на среднюю московскую семью.

Материалы МГСПС по самому характеру бюджетных обследований могли охватить, главным образом, лишь более культурную и более активную общественную среду. Поэтому по сквозным бюджетам МГСПС потребление за последний год оказывается, примерно, в два раза меньше среднего общего фактического потребления водки и пива московской семьей. Но средний заработок охваченных бюджетными обследованиями семей близок к среднему московскому заработку, а нарастание потребления по годам, получающееся по бюджетам, охваченным МГСПС, соответствует официальным данным о росте фактической ежегодной продажи водки и пива в Москве за те же годы. Таким образом, хотя абсолютные данные об алкоголизме бюджетных обследований МГСПС преуменьшены вдвое против фактической средней по Москве, относительные величины дают достаточно верное представление о происходящих в этой области изменениях.

Водка, как известно, стала легальной с 1924 г. Бюджетные обследования МГСПС охватывают потребление самогона, водки и водочных изделий, виноградного вина и пива. Самогон теперь (в отличие от 1924 г.) уже совершенно исчез из потребления московских рабочих и служащих. Если перевести на содержащийся в них абсолютный алкоголь: 1) водку (с водочными изделиями, как «Горный дубняк» и пр., которые все присчитаны бюджетами к водке), 2) виноградное вино, 3) пиво,—то за календарный 1927 г. получится удельный вес отдельных напитков. По количеству всего потребляемого алкоголя за календарный 1927 г. приходится:

	у мужчин.	у женщин.
1. На водку	82%	92,9%
2. На пиво	12,5%	2,2%
3. На вино	5,5%	4,9%

Сразу обращает на себя внимание, что женщины сравнительно очень мало пьют пиво. Действительно, сравнение абсолютных величин за тот же 1927 г. показывает, что средняя женщина выпивает в Москве меньше среднего мужчины: водки в пять раз, вина в шесть раз и пива в тридцать раз. Пиво—чисто мужской напиток.

Поскольку алкоголизм распространен преимущественно среди рабочих, а не работниц и поскольку пиво (и вино) играют заметную роль в алкогольном потреблении и вытекающих из него прогулах и т. д.,—постольку пиво и вино никоим образом не могут быть исключены из круга мер по борьбе против алкоголизма. Тем более, что еще крупнее их роль в бюджете рабочего. За 1927 календарный год из расходов на алкоголь у мужчин приходилось: на водку 66,7%, на пиво—21,1% и на вино 12,1%. Следовательно, целая треть расходов на алкогольные напитки приходится именно на пиво и вино. Кстати сказать, доходы государства от пива и вина незначительны, а расходы рабочих—очень велики. Защита освобождения пива и вина от ограничительных мер против алкоголизма не имеет, таким образом, даже того об'яснения интересами госбюджета, какое выставляется в известных пределах в отношении водки. Для вина приходится принимать еще во внимание интересы крестьянского виноградарства (впредь до создания у нас кустарной и заводской переработки винограда на безалкогольные продукты). Но в отношении пива нет и этого об'яснения—оно изготовляется из продукта и без того дефицитного (ячмень). К тому же пиво не играет никакой роли в вытеснении самогона из деревни. Пиво—предмет потребления населения исключительно городского типа.

При таком соотношении отдельных напитков внутри алкогольного потребления пролетариата, особый интерес имеют данные бюджетных обследований МГСПС о росте постепенного охвата московского пролетариата потреблением водки. Из всех московских рабочих семей производили расходы на водку (в среднем за каждый месяц соответственного года), по бюджетным обследованиям МГСПС:

в 1925 г.	27,2%
в 1926 г.	56,8%
в 1927 г.	75,3%
в 1928 г.	93,1%

За 1928 г. наблюдения относятся только к первому полугодию. Если взять не только водку, а все алкогольные напитки, то этот процент окажется выше, так как были семьи, у которых расходы были только на пиво или (в 1925 г.) только на самогон и пиво и т. п. Случаи расхода на какие бы то ни было алкогольные напитки, в среднем за месяц соответствующего периода, были в следующей части московских семей:

в 1925 г.	58,9%
в 1926 г.	76,1%
в 1927 г.	86,8%
в 1928 г.	95,1%

Между прочим, если выделить семьи, в которых нет взрослых мужчин («женские семьи»), то в таких семьях в 1927 г. расходуют на алкоголь только 33,3%. Наоборот, из выделенных таким же образом «мужских семей» производили в то же время расходы на алкоголь целых 96,8%, почти все. Средняя доля всех семей была в этом году 86,8%. Так как в следующем 1928 г. эта величина поднялась уже до 95,1% для всех семей в среднем, то теперь процент «женских» семей с употреблением алкоголя еще значительно возрос.

Водке понадобилось только 4 года, чтобы почти полностью охватить семьи рабочих и служащих Москвы. Совсем не пьющих уже почти нет. Если даже принять во внимание все остальные напитки (самогон, пиво, вино), то количество пьющих семей увеличилось вдвое сравнительно с 1924 г., т. е. с периодом, когда самогон играл еще в городах заметную роль, а водка только начинала еще распространяться.

Одновременно с постепенным увеличением процента семей, охваченных потреблением алкогольных напитков, рос и средний размер потребления на семью.

Если по всем семьям взять все потребление алкогольных напитков (самогон, водка, пиво, вино) в переводе на чистый алкоголь, и потребление алкоголя на одну семью в 1924 г. принять за 100%, то получим такой постепенный рост этой средней семейной величины:

1924 г.	100%
1925 г.	300%
1926 г.	444%
1927 г.	600%
1928 г.	800%

Иначе сказать, самогон полностью вытеснен из Москвы. Но за то московский рабочий в виде всяких напитков выпивает теперь в восемь раз больше алкоголя, чем во времена самогона (за 1928 г. процент вычислен по данным только первого полугодия).

Само собой понятно, какое значение имеет для работоспособности и производительности труда увеличение потребления алкоголя во всех видах в 8 раз за 5 лет. Надо заметить при этом, что по сквозным данным МГСПС (обнимающим за все годы те же семьи), количество выпиваемого на одну семью виноградного вина уменьшилось за эти годы на четверть, количество пива на семью возрасло менее чем в пять раз, а количество водки увеличилось еще в гораздо большей пропорции (по сравнению с прежним потреблением водки и самогона вместе).

Правда, повышение работоспособности и рост производительности труда не приостановились у нас и последние два года, когда развитие алкоголизма стало заметнее ощущаться (1927 и 1928 гг.). Вред от увеличения потребления алкоголя перекрывается пользой от улучшения качественного состава остального питания, от уменьшения часов работы, от увеличения укрепляющего здоровье обслуживания населения (социальное страхование, бесплатное лечение, физкультура, дома отдыха, развитие спорта в рабочей среде и т. д.). Но рост производительности труда у нас значительно затормозился против предшествовавших лет когда алкоголизм в рабочей среде не был еще развит в нынешней степени. Для оценки и проверки

этого достаточно сравнить, на какой процент увеличивалась производительность труда на каждый процент прироста реальной заработной платы в последние два—три года более значительного развития алкоголизма и в предшествовавшие два—три года меньшего развития алкоголизма. Оказывается, последние годы увеличение реальной заработной платы дает производству увеличение продукции значительно меньше прежнего: остальное бесплодно пожирается алкоголем. Оно и понятно: как у отдельного человека, так и у состава работающих в целом, если потребление алкоголя достигает определенной величины,—начинает «болеть голова», на производстве иногда «нетвердая рука», тянет к «прогулам» и т. п.

В Москве был сделан однажды опыт полного и внезапного прекращения продажи водки на длительный период. Это было в 1914 г. при начале империалистической войны, незадолго перед 1 августа. Через несколько месяцев Общество фабрикантов и заводчиков произвело обследование, как это отразилось на производительности труда в течение трех месяцев: август—октябрь 1914 г. Обследование охватило 215 тысяч рабочих на 171 предприятии (привожу по книге тов. Лемберга о киноиндустрии СССР). Оказалось, что производительность труда на всех предприятиях увеличилась от 15% до 25%. В то же время сильно уменьшилось количество прогулов. За те же три месяца предшествовавшего 1913 г., когда водка продавалась свободно, было прогуляно 2.494.000 дней. А за август—октябрь 1914 г., когда водки не было,—только 1.817.000 дней или на 25% меньше. Промышленность в то время не была еще милитаризована, стоимость жизни и уровень заработной платы еще не изменились, самогона еще не было, так что данные эти имеют сравнительно показательное значение.

При советской власти в последнее время опыт прекращения продажи водки в Москве—правда, на короткий срок—произведен был однажды. Именно, в 1928 г. по случаю годовщины Октябрьской революции 7 ноября запрещена была продажа на несколько дней. По данным, представленным начальником Административного отделом Моссовета тов. Лобановым 14 ноября, в итоге этой меры по сравнению с 1927 г.,

когда она не была проведена,—1) уменьшилось вдвое количество задержанных пьяных, 2) после дней праздников уменьшилось также вдвое количество прогулов на ряде крупных московских заводов.

Росту алкогольного потребления значительно способствовала практика изменения цен. Вряд ли есть еще отрасль промышленности, где розничные цены снижены за эти годы столь значительно. Как показывают бюджетные обследования МГСПС, розничные цены, по которым потребители фактически покупали алкогольные напитки, уменьшились с 1924 г. по 1927 г. Уменьшились они по самогону на 60%, по водке и водочным изделиям на 34%, по виноградному вину на 41% и по пиву на 37%. Самогонщики особенно понизили цены на свой товар (до 40 коп. за бутылку), но не могли выдержать конкуренции лучшего вкуса водки. Кстати сказать, в смысле одурманивающего влияния, хотя в самогоне меньше чистого алкоголя, чем в таком же количестве водки,—он все же не уступает водке. Ибо в нем больше вредных составных частей (сивушное масло), которые с успехом замещают вредную роль «недостающих» градусов чистого алкоголя.

Расход на алкоголизм в бюджете московской рабочей семьи далеко превышает расходы на культурные цели. Выше указано, что фактически на семью в среднем приходится в год 65 литров водки, 90 литров пива и 3 литра вина. По средним покупным ценам, указанным в бюджетах последнего года, это дает расход около 178 руб. в год. Средний годовой бюджет московских рабочих и служащих, считая заработок и главы семьи и ее членов, составлял в последний бюджетный год около 1400 руб. Следовательно, средний расход на алкоголь составляет 13,7% или более восьмой части всего годового бюджета средней семьи московских рабочих и служащих.

При этом надо заметить, что среди рабочих алкоголизм развит гораздо более, чем среди служащих. Так что средние цифры потребления алкоголя московской семьей и средний процент расходов на алкоголь в семейном бюджете, при-

веденные выше для рабочих и служащих вместе,—для одних рабочих семей должны быть еще заметно выше.

Из рабочих семей, как было уже указано, в 1927 г. расходовали что-либо на алкоголь около 75%. А из семей служащих в том же году только 40,9%. Если сравнить московских текстильщиков и московских совторгслужащих, то в 1927 г. на семью служащего приходилось лишь 16% того количества водки, какое выпивала семья текстильщика. И лишь 25% того количества пива, какое выпивалось семьей текстильщика. За то виноградного вина служащий выпивал на одну пятую больше, чем текстильщик. Расход на виноградное вино у рабочих составлял в 1927 г. менее 3% всех их расходов на алкоголь, а у служащих—более 14%. Расходы на удовлетворение потребностей в культуре (газеты, книги, журналы, билеты на лекции, в театры, концерты, кино, выставки и музей, взносы в клубы и т. д.) у рабочих семей составляют гораздо меньше их расходов на алкоголь, а у служащих—больше.

Сумма всех расходов на алкогольные напитки на семью у рабочих, по данным МГСПС за ноябрь 1927 г., в три с половиной раза больше, чем у служащих, хотя заработок и весь бюджет семей рабочих и служащих по Москве в среднем почти одинаков. Заработок главы семьи для рабочих 105 р. 65 к. в месяц (а весь месячный бюджет семьи в среднем, т. е. с приработком других ее членов—125 р. 15 к.), а для служащих—111 р. 03 к. (а весь бюджет семьи—118 р. 75 к.). Наоборот расход на удовлетворение потребностей в культуре в семьях служащих на 40% выше, чем в семьях рабочих.

Таким образом, вопрос об алкоголизме в наших основных районах, в частности, в Москве есть вопрос о пьянстве именно рабочих, а не служащих. Кстати сказать, это вполне подтверждается и данными о социальном составе арестуемых на улице за пьянство, обращающихся в противоалкогольные диспансеры, попадающих на почве алкоголизма в дома для умалишенных и т. д. Такой характер крупногородского алкоголизма предопределяет, что и по этой причине меры бытового и культурного отвлечения от пьянства

должны быть направлены именно в рабочие районы.

Как увидим, не малую роль в сравнительном развитии алкоголизма играет обстоятельство, что крупная часть служащих живет в центральных районах, где есть больше возможности расходовать средства на культурные развлечения (средоточие театров, концертов, кино и т. д.). Между тем, в рабочих районах таких возможностей гораздо меньше. Алкоголизм—болезнь рабочих. Чтобы ее лечить, надо прежде всего дать рабочим возможность больше расходовать на культурные потребности созданием в рабочих районах соответственных учреждений.

Правда, у нас и вообще то таких учреждений немного, а существующие нередко поставлены своеобразно. Например, по одной Москве летом 1928 г. было до 1300 всякого рода мест продажи алкогольных напитков, а если не считать уличных киосков—все же около тысячи (по данным Адм. Отд. Моссовета). Между тем, по всему СССР, как сообщает в своей новой книге тов. Дейчман, по данным ЦК профсоюза Нарпит на 1 октября 1927 года имелось только 699 чайных. Да и то из них изрядная часть одновременно совершенно легально торговала пивом и т. п. Достаточно упомянуть сообщение тов. Дейчмана о последнем обследовании кооперативных столовых на Украине. Оказалось, 83% этих столовых торгуют спиртными напитками, а простая вода для питья имелась только в 78,5%. Легче достать водку и пиво, чем напиться воды—и это в кооперативных столовых целой республики.

Не лучше порядки были и в столовых РСФСР—только последнее полугодие, в связи с начавшей разворачиваться общественной противоалкогольной кампанией, начала несколько выпрямляться эта своеобразная практика.

Опыт, пока небольшой, показывает: достаточно дать возможность рабочему расходовать деньги более разумно—и он с удовольствием это делает. В Иваново-Вознесенске столовая при фабрике-кухне отпускала ежедневно 600 литров пива и 60 литров молока. Были приняты меры к некоторому удешевлению молока—стали продавать по 7 коп.

стакан и обеспечили договорами возможность увеличения снабжения столовой молоком при повышении спроса. *Пиво не было запрещено*—хочешь, пей к обеду пиво, а хочешь—молоко. Прошло сравнительно не очень много времени и теперь в столовой ежедневно выпивают 600 *литров молока* и *только* 60 *литров пива*. Как раз наоборот прежнему—и совершенно добровольно.

Пиво на добрую половину держится в рабочем быту не своей конкурентноспособностью в сравнении с молоком и с прохладительными минеральными водами, а просто *отсутствием выбора*.

Пиво можно достать всюду, и дешево. А нарзан поди достань да заплати втридорога. *Цена пива нормирована, а за нарзан каждый дерет, сколько не лень*. Летом 1928 г. за бутылочку нарзана в разных местах Ленинграда я платил от 30 коп. до 50 коп. (последняя цена—50 коп. в столовой Облпрофсовета в Сестрорецке, куда рабочие отправляются на массовые прогулки). Из Луганска работник тамошнего Окрпрофсовета тов. Аршавский пишет, что там цена нарзана на соседних улицах колеблется на гривенник (24 коп. и т. п.). Между тем данные о сбыте пива в СССР по месяцам показывают, что в летние месяцы пива пьют в два и два с половиной раза больше, чем в зимние: по отсутствию продажи других напитков «простую физиологическую потребность утолить жажду мы летом удовлетворяем пивом» (из книги тов. Дейчмана).

Примерно в таком же положении, как и с нарзаном, находится у нас дело и с культурными развлечениями. Обыкновенный рядовой рабочий пропивает свои деньги не потому, что не хочет итти в кино, а потому, что в кино нет места. Кино всегда переполнены, а их мало. То же относится к концертам и т. п. В Москве *много сотен церквей*, из которых спокойно можно было бы для начала хоть группу в рабочих районах взять под кино. Эксплоатация кино окупает себя, увеличение их числа задерживается недоступностью расходов на постройку для них новых зданий (сам киноаппарат стоит сравнительно дешево). Использование части

церквей, не требующих особых приспособлений для превращения в кино, разрешает задачу.

Теперь с переходом на семичасовой день, когда досуг для культурного отдыха увеличивается на 25% и более (статья тов. Гаусмана из Культотдела ВЦСПС в № 270 «Известий» за 1928 г.), вопрос этот приобретает особую настоятельность. По «бюджету времени рабочего», сведенному тов. Струмилиным, бездеятельный досуг у рабочего превышает затрату времени на посещение кино в столицах в 20 раз, в провинции в 34 раза (1923 г., привожу по упомянутой книжке тов. Лемберга). Между тем в Москве имеется всего около 40 открытых кино, и даже из рабочих клубов Москвы и Московской губ. *около* 20% еще не кинофицированы (оттуда же). Хотя постоянная кино установка, при наличии в данной местности электричества, стоит всего около *шестисот* рублей (аппарат со всеми приспособлениями). Любое крупное жилтоварищество могло бы поставить в свободном подвале такое кино для своих жильцов с почти бесплатным пользованием, не только рабочий клуб. Необходимо только несколько увеличить производство таких киноаппаратов, что вполне в наших руках, ибо производятся они в СССР и расширение производства стоит немного и сразу окупается.

Как у нас в настоящее время обстоит дело с удовлетворением культурных потребностей, видно из таких данных за 1927 г. по тому же бюджетному обследованию МГСПС. За год глава рабочей семьи прочел 305 номеров газет и 38 экземпляров еженедельных и всяких иных журналов и книг (может быть, прочел не полностью, но это было куплено). Кроме того он посетил за год следующее количество раз:

лекции	0,7
театры и концерты	1,0
кино	7,1
выставки и музеи	0,4
кружки	0,4
клубы	11,7

Итого **з а г о д** на главу семьи приходится не многим более 20 посещений всяких учреждений для развлечения и поучения. Конечно, это безмерно много в сравнении с тем, что было до революции. Но это крайне мало в сравнении с тем, что рабочий мог бы себе позволить, если бы было больше всех этих учреждений и если бы водка и пиво не отвлекали своей дешевизной, наличием и удобством получения. Достаточно сравнить в Москве наличие тысячи мест продажи алкогольных напитков и только 40 открытых кино, чтобы ясно было, куда легче попасть.

При этом последние несколько лет число мест продажи алкогольных напитков росло в Москве очень быстро, а число кино и т. п.—медленно. В итоге в бюджете московского рабочего стал р а с т и абсолютно и относительно расход на алкоголь и с т а л п а д а т ь абсолютно и относительно расход на удовлетворение культурных потребностей. Только у семей, в к о т о р ы х н е т в з р о с л ы х м у ж ч и н («женские семьи»), наблюдается наряду с ростом расходов на алкоголь еще даже более быстрый рост и абсолютно и относительно расхода на культуру. Московские работницы в отношении расходов на культуру (развлечения, газеты и т. п.) стали быстро догонять московских рабочих именно благодаря тому, что женщины пока меньше охвачены водкой и пивом и меньше пьют на душу. Если взять, например, одиночек (не имеющих иждивенцев), то доля расходов на алкоголь в бюджете у рабочих мужчин в с е м ь р а з б о л ь ш е, чем у работниц женщин.

С 1925 г. по 1927 г. в рабочих семьях, где имеется взрослый мужчина, доходный бюджет семьи повысился на 19% в червонных рублях, расход на алкогольные напитки увеличился на 40% и расход на культурные надобности уменьшился на 12%. Происходит прямое вытеснение расходов на культуру расходами на водку. Весь расход на культурные надобности в 1927 г. составил здесь менее 35 руб. в год на семью. Следовательно, примерно в п я т ь р а з меньше фактических средних расходов московской семьи на алкогольные напитки. Для сравнения можно добавить, что в бюджете б е р л и н с к о й рабочей семьи, при том же годовом заработке, соотношение почти обратное.

В «женских семьях» с 1925 г. по 1927 г. годовой доходный бюджет семьи в червонных рублях остался почти стабильным (изменился на 0,1%). Расход на алкоголь увеличился на 24%, а на культурные надобности на 109%—удвоился, достиг почти 26 руб. в год. Если принять расход на алкоголь и на культуру за каждый год в семьях с взрослым мужчиной за 100%, то по отношению к нему расход в «женской» семье составлял:

	в 1925 г.	в 19 7 г.
на алкоголь	16%	14%
на культуру	35%	84%

Надо заметить при этом, что годовой заработок мужчин в Москве почти на четверть выше годового заработка женщины. Все эти сопоставления не должны, однако, создать предрассудка, что московская работница представляет собой неприступный бастион, о который разобьется прибой алкогольных волн без всяких особых мер. Наоборот, действительность показывает, что если первые несколько лет рассматриваемого периода водка все более охватывала преимущественно только мужчин, то теперь, особенно в 1928 г., пробита значительная брешь и среди женщин. Пример и уклад быта мужа, отца, брата, сына слишком влияет, чтобы устоять перед его напором без организованной помощи и поддержки извне семьи.

Традиция, что женщине «не полагается» пить, начинает видимо терять свою силу одинаково среди работниц Москвы, Ленинграда, Костромы и т. д. Везде среди подобранных на улицах пьяных увеличился за последний год процент работниц, сильно увеличивается процент расходующих на алкоголь среди «женских» семей и т. д. Повидимому, 1927 г. при стихийном ходе вещей должен быть последним, когда рост расходов на культуру у женщин обгонял еще у них рост расходов на алкоголь.

Поскольку теперь лишь начинается организованная государственная и общественная борьба против алкоголизма,—

пока еще, правда, в очень робких и недостаточных размерах,— можно расчитывать, если эта борьба будет иметь серьезный успех, на восстановление в 1929 г. решительного перевеса в бюджете работницы роста расходов на культуру над расходами на алкоголь.

Анализ размеров алкоголизма рабочих семей при различных размерах заработной платы, при различных условиях быта (в основном—жилище) и при различной степени вовлечения в общественную жизнь и в культурные развлечения,—приводят к совершенно определенным выводам. Первый заключается в том, что рост заработной платы сам по себе не ведет к уменьшению пьянства. Больше того: рост заработной платы ведет к прямому увеличению пьянства, если он не сопровождается улучшением жилищных условий или увеличением вовлечения в общественную жизнь. Наоборот, улучшение жилищных условий или вовлечение в общественную жизнь сопровождается уменьшением алкоголизма даже при том же размере заработка. Итоги бюджетных обследований МГСПС показывают это с полной ясностью.

Возьмем прежде всего расположение всех рабочих семей по количеству на одного едока единиц бюджетного набора, какое обеспечено размером дохода семьи. Они разделены на пять групп, начиная от самой малоимущей (первая—до $1^1/_4$ набора на едока) и кончая наиболее обеспеченной (пятая— более $2^1/_2$ наборов на едока). Если расход на алкогольные напитки в ноябре 1927 г. для нисшей первой группы принять за 100%, то получим такой ряд: первая—100%, вторая— 140%, третья—226%, четвертая—276%, пятая—246%. Чем обеспеченнее на едока рабочая семья—тем больше абсолютный расход на алкогольные напитки. Иначе сказать, пьют не в меру «плохой жизни», а в меру наличия свободных средств после удовлетворения определенного жизненного минимума. Чтобы уменьшить расход на алкоголь, надо прежде всего увеличить возможность усиления в жизненном минимуме тех его частей, какие идут

на спорт, кино, украшение и увеличение удобства жилища и т. п.

Что повышение зарплаты само не является средством против алкоголизма, ясно показывает и другая разработка бюджетных обследований МГСПС—об алкоголизме в зависимости от размеров семьи при том же заработке. Взяты группы с годовым заработком семьи: а) ниже 1200 руб., б) от 1200 до 1800 р. и в) выше 1800 р. Семьи разделены по величине на три группы: а) до $3^1/_2$ чел., б) от $3^1/_2$ до $5^1/_2$ чел., в) более $5^1/_2$ чел. Если расход на алкоголь самой меньшей семьи внутри каждой группы по заработку принять за 100%, то для более многочисленных семей той же группы по заработку получаются следующие абсолютные размеры на алкоголь (в процентах к расходам малой семьи):

Размер семьи	Заработок до 1200 р.	Заработок 1200—1800 р.	Заработок выше 1800 р.
До $3^1/_2$ чел.	100%	100%	100%
От $3^1/_2$ до $5^1/_2$ чел. . . .	55%	90%	86%
Более $5^1/_2$ чел.	42%	87%	85%

Больше пьют при том же заработке меньшие семьи. Ясное указание, что границей пьянства служит пока, прежде всего, возможность мобилизовать для этого средства. Еще более резко показывает это изменение доли расходов на алкоголь в бюджете семьи. При том же заработке она правильно повышается по мере уменьшения размеров семьи.

Совершенно другое оказывается, когда семья получает возможность улучшить свои жилищные условия, даже без повышения заработка. Тогда сейчас же начинается забота об улучшении обстановки жилища, о покупке лучших кроватей и т. д. и т. д.—и расходы семьи на алкогольные напитки резко понижаются. Бюджетное обследование МГСПС по данным за ноябрь 1927 г. делит по жилой площади все семьи на три группы: 1) имеющие менее 4 квадратных метров на душу, 2) имеющие от 4 до 5 метров, 3) имеющие более 5 метров. Обеспеченность их примерно одинакова. Выражен-

ная в количестве бюджетных наборов (на взрослого) она составляет 1,9 для первой группы, также 1,9 для второй группы и 2,1 для третьей группы. Между тем, если долю расходов на алкоголь в бюджете семьи для первой группы (наиболее тесно живущие) принять за 100%, то в процентах к этой величине доля расходов на алкоголь в бюджете следующих групп оказывается такой:

Площадь на душу.	Доля алкоголя в бюджете.
1. До 4 метров	100%
2. От 4 до 5 метр.	78%
3. Выше 5 метров	70,5%

При том же доходе лучшие жилищные условия, переход в новый кооперативный дом и т. п.,—означают уменьшение пьянства. Жизненный минимум повышается, и это повышение отвлекает средства от алкоголя. Оказывается иная, более привлекательная цель для их расходования.

Такое же отвлекающее значение имеет вовлечение в общественную жизнь и создание условий для культурного отдыха. Разработка бюджетных обследований МГСПС дает такую группировку семей по данным за 1927 г. Рабочие семьи разделены на четыре группы по характеристике главы семьи: 1) партийные, 2) общественно-активные беспартийные, 3) неактивные беспартийные, имеющие возможность пользоваться и пользующиеся учреждениями культурного отдыха, развлечения и поучения, 4) пассивные беспартийные, мало пользующиеся культурными учреждениями по условиям района своего жительства и др. Если взять сумму расходов на алкоголь первой группы (партийцы), определить величину ее на единицу бюджетного набора (на взрослого), приходящуюся в среднем на семью данной группы, и принять эту величину за 100%, то размер такой же величины для остальных групп рабочих семей будет следующим:

1. Партийцы	100%
2. Активные беспарт.	109,7%
3. Пассивные, культурн. беспартийн.	124%
4. Пассивные, малокультурн. беспарт.	201%

Слово «культурные» беру в кавычки, ибо здесь имеется в виду не только культурность этих людей, сколько посещение ими учреждений культурного отдыха, развлечения и т. п. Надо заметить, что средний заработок (количество бюджетных наборов на взрослого) почти одинаков для первой группы и третьей и совершенно одинаков для второй и четвертой.

Очевидно, во-первых, явное отвлекающее в общем от алкоголизма значение общественной активности и наличия культурных развлечений. Во-вторых—значение этого даже при одинаковом заработке (сравнение первой группы и третьей, сравнение второй группы и четвертой). Прибавим, что семьи без всякого расхода на алкоголь есть только в первой группе, партийной. Из всех партийных таких совершенно безалкогольных семей оказалось, впрочем, немного—только 3,2%. А среди беспартийных не оказалось ни одной семьи совершенно свободной от расхода на алкоголь.

Не следует, однако, думать, что партийные семьи так уже всегда стоят «на высоте положения». Во-первых, само их абсолютное потребление алкоголя в среднем отстает от среднего потребления рабочей семьи, примерно, только на четверть. Во-вторых, дважды в году партийцы повышают свое потребление алкогольных напитков гораздо более энергичным темпом, чем беспартийные. Это происходит в оба месяца религиозных праздников—апрель (пасха) и декабрь (рождество). В одной из таблиц разработки бюджетных обследований МГСПС за 1927 г. показано, что в каждый из этих «религиозных» месяцев потребление алкоголя больше, чем среднее месячное потребление в остальные месяцы (в переводе всех напитков на чистый алкоголь) на следующее количество процентов:

Группы семей:		
1. Партийные	103%	106%
2. Активные беспарт.	52%	77%
3. Пассивн. культурн.	53%	48%
4. Пассивн. малокульт.	36%	71%

Связь праздничного досуга и религиозных традиций с пьянкой вообще известна. Не даром в причастии всем православным христианам выдается вино. Не даром еще в древности культ Христа слился с культом Вакха и подобных божеств других народов. Прямая преемственная линия идет от языческой тризны времен Вещего Олега до поминальной кутьи наших дней. Но неожиданным является приверженность коммунистов к традиции пьянства в религиозные праздники.

О пассивном отношении к алкоголизму[1].

Правая опасность у нас является отражением стихийного давления буржуазных и мелкобуржуазных масс на нашу партию и, в частности, отражением неизжитых остатков мелкобуржуазной души тех сотен тысяч рабочих, которые из деревни и из мещанства пришли в последние годы на наши фабрики. Совершенно естественно ожидать, что в практике некоторых наших советских органов будет замечаться такое явление, что при внешне лойяльных выступлениях по отношению к линии партии, на практике иногда линия проводится такая, которая обозначает собой не что иное, как капитуляцию перед мелкобуржуазными настроениями отдельных отсталых, свежих частей рабочего класса, и перед давлением (отчасти через них) со стороны буржуазии.

Я возьму один маленький пример по старому рецепту Гоголя, который говорил, что можно взять маленький пример и возвести его в перл создания. Это пример из практики нашей Москвы, ибо мы—на московской конференции. Я имею в виду ту кучку различных официальных документов, которую я захватил с собой. Здесь бумажки с подписями и за печатями, честь-честью. Они относятся к тому, как Московский Совет и его органы проводят в городе Москве ту борьбу с падением дисциплины труда, ту борьбу против общественного разложения, ту борьбу за рост социалистического хозяйства, которая называется борьбой с пьянством. Ибо борьба с пьянством, с алкоголизмом, это есть не что иное, как та борьба с разложением дисциплины труда, о которой говорил тов. Молотов. Сегодня в «Правде» можно читать, что за первый квартал себестоимость снизилась только на 2% в то время,

[1]) Из стенограммы речи на XVII Московской губпартконференции 24 февраля 1929 года.

когда по директиве партии надо было снизить ее за год на 7%. Вы можете читать, что по железным дорогам из всех крушений, которые происходят по вине железнодорожников, 50% крушений происходит в связи с пьянством. Что же мы видим в этом отношении со стороны Московского Совета?—Московский Совет стоит грудью за Центральный Комитет и имеет громаднейшие заслуги перед трудящимся населением в Москве за правильное руководство московским хозяйством. Тем не менее, и в практике Московского Совета имеется ряд явлений, которые, если их собрать в один пучек, дают картину довольно яркую.

Разрешите привести несколько примеров, а затем сделать некоторые выводы о примиренчестве вообще. Летом прошлого года в Москве открыт парк Культуры и Отдыха. Прекрасное начинание. К сожалению, в этом парке Культуры и Отдыха предполагалось организовать довольно широкую торговлю пивом. Мы,—общество борьбы с алкоголизмом,—обратились к Московскому Совету с просьбой не допускать этого, ибо какой же это будет парк Культуры и Отдыха, если там будет пивная лавочка?—К сожалению, это обращение к Московскому Совету не имело успеха. Ходили делегации в Моссовет, печатали статьи в газетах, около 15.000 рабочих Замоскворечья собрали подписи с номерами рабочих книжек, заверенных фабзавкомами, тащили их в Моссовет. В конце концов удалось добиться только того, что накануне открытия парка Культуры и Отдыха Московский Совет в печати опубликовал заметку, что в виду настояний рабочих против продажи алкогольных напитков в парке Культуры и Отдыха пока эта продажа производиться не будет. Пока! (Смех). Я считаю, что для Московского Совета, который дает тон иным городам, этого очень мало, мало итти в хвосте у 15.000 рабочих Замоскворечья и под их нажимом постановлять: пока продажу алкогольных напитков производить не будем. А рядом Ленинград не пока, а совсем запретил продажу спиртных напитков не только в парках культуры, но и в местах народного гулянья. Московский же Совет, обсуждавший вопрос о продаже напитков в местах народных гуляний, вынес следующее постановление. Вот я беру постановление фракции президиума Моссовета от 12 ноября. После того, как парк Культуры закрылся, фракция президиума Моссовета постановила: на будущее время в местах народного гулянья, на Ленинских горах и т. п., допустить продажу пива, в то время, когда в Ленинграде это запрещено. Правда, относительно парка Культуры и Отдыха они на эту фразу не решились.

Что нам было делать?—Мы пошли в Совнарком и провели через Совнарком закон,—который сегодня напечатан в официальном отделе «Известий»,—о том, что отныне на всем пространстве нашего государства запрещается в местах народного гулянья, в садах и т. п. местах продажа каких бы то ни было видов алкогольных напитков—пива и т.д. (Аплодисмен.)

У нас в настоящее время поднялась довольно большая волна движения за ограничение алкоголизма. Мы возбудили перед Моссоветом вопрос о том, чтобы вместо закрытых пивных вновь открыть хотя бы одну сотню культурных чайных. Помещения для этого есть, это—помещения закрытых пивных и других алкогольных лавок и магазинов. Оборудование также имеется. Значит, нужны сравнительно небольшие средства. Мы не только не могли этого добиться, но еще Моссовет и его органы (я принес официальные бумаги с печатью от 27 декабря) затеяли в дополнение к тем 64 лавкам Центроспирта, которые уже имеются, открыть еще 75 лавок... (Общий смех), т. е удвоить количество лавок Центроспирта. Этот странный способ борьбы с алкоголизмом мотивируется Моссоветом тем, что у нас сокращена продажа водки кооперацией и что поэтому разрешите, мол, нам более, чем удвоить количество лавок Центроспирта. Мы до сих пор по простоте душевной предполагали, что продажа кооперацией водки сокращена для сокращенияя пьянства. Но здесь выходит, что сокращения никакого не получится, а, может быть, получится увеличение этой продажи.

МСПО сделал нам доклад о том, что средства, которые шли на оборот для торговли водкой, МСПО пустил на другие более нужные для населения товары. Благодаря этому, если год тому назад МСПО продавал в Москве и губернии 100 тысяч банок мясных консервов в месяц, то теперь продает 2 миллиона этих банок, так как рабочие покупают вместо вод-

ки консервы. МСПО, освободивши средства, шедшие на торговлю водкой, пускает эти средства на то, чтобы открыть около 70 кондитерских отделений, в виду увеличившегося спроса со стороны рабочих на кондитерские изделия, в связи с уменьшившимся спросом на водочные изделия. И вот органы Моссовета предлагают открыть 75 новых лавок Центроспирта. Наши протесты не помогли, и нам оставалось пойти только в Совнарком и получить в Совнаркоме то постановление, которое официально опубликовано в «Известиях». Постановление воспрещает по всему Союзу во всех городах и рабочих поселках—открывать какие-либо новые места продажи водки и водочных изделий. (Аплодисменты).

Дальше правительством—Советом Труда и Обороны—*было указано, чтобы в промышленных районах было уменьшено* количество продаваемой там водки. Как проводилось это решение в Московской губернии?—Мы спорили об этом, обращались в Мосгубторг, в Моссовет. Несмотря на наши настояния, было утверждено то, что можно характеризовать словами:

— «Формально правильно, а по существу издевательство».

А именно: для Московской губернии было принято решение во всех уездных городах Московской губернии—в Коломне, Богородске. Орехово-Зуеве и т. д.—уменьшить продажу водки на нынешний год на 30 тыс. гектол., но зато в деревнях, окружающих эти города, в сельских местностях Московской губ. продажу водки увеличить на 40 тыс. гектол. (Общий смех). Рабочие Коломны, которые живут в окрестных деревнях, заявляют,—имеется ряд корреспонденций, напечатанных в московских газетах,—о том, что в настоящее время вокруг Коломенского завода в окрестных деревнях открыто столько лавок Центроспирта, сколько никогда не было кабаков в царское время. Это означает, что директива на счет сокращения продажи водки в самой Коломне «выполнена», но зато вокруг Коломны, в окрестных деревнях, продажа водки еще увеличена. Как отнесся к этому Моссовет?—Центроспирт попробовал это делать и в других промышленных губерниях, как Иваново-Вознесенская и т. д., и встретил там резкий отпор. Президиум Иваново-Вознесенского губисполкома

постановил на 50% сократить ввоз водки в Иваново-Вознесенскую губернию. Ленинградский обком и исполком приняли энергичные меры. Москва же не только бездействует, но дозволила эту самую штуку, при том даже без всякой надобности для государства, потому что оказалось, что все равно нельзя произвести такого количества водки, что производство водки все рано уменьшается.

Дальше, мы просили запретить, хотя бы в Москве, продажу крепких напитков в московских столовых, чайных и закусочных нарпита. Мы до сих пор не имеем постановления об этом Моссовета, и только Совнарком 29 января этого года принял постановление, что отныне запрещается в столовых, чайных и закусочных продавать водку. Между прочим, когда в московских кооперативных столовых была недавно проведена анкета среди постоянно обедающих людей, то только 8% ответило, что они желают, чтобы в столовых было пиво или др. спиртные напитки, а 92% постоянно обедающих в столовых высказалось против этого.

Дальше, неоднократно и мы, и некоторые райкомы партии, и МК комсомола, и районные советы просили президиум Моссовета, чтобы хоть в предпраздничные дни запретить продажу водки. Мы неизменно встречали отказ. Даже перед таким днем, как МЮД, когда был специальный культпоход, даже в дни старого рождества, когда мы проводили антирелигиозную кампанию, президиум Моссовета твердо стоял на защите набожных людей, любителей пьянствовать два дня. Больше того, мы просили хотя бы в день смерти Ильича, 21 января, запретить в Москве продажу спиртных напитков. Президиум Моссовета отказался даже в день смерти Ильича запретить продажу спиртных напитков. Мы пришли в Совнарком, и там принят напечатанный сегодня закон, который говорит о том, чтобы обязать не только Московский Совет, но и все города, запретить продажу всех видов спиртных напитков не только в праздничные дни, но и в предпраздничные дни и, сверх того, в дни выдачи зарплаты,—это то, чего мы не могли добиться от Московского Совета и что мы получили постановлением Совнаркома для всех городов нашей

РСФСР. Наш Московский Совет в этом отношении оказался в хвосте.

А какие ответы давал Московский Совет на обращения рабочих по этому поводу? — Московский Совет разослал по всем районам вот эти книжки, которые являются ответом Московского Совета на добавления к наказам, которые принимались московскими рабочими на прошлых выборах. Ну, знаете, я не читал никогда в «Крокодиле» ничего более юмористического, чем эти ответы на добавления. Разрешите хотя бы парочку ответов на эти добавления вам прочитать. Они разбиты Московским Советом на такие рубрики: а) добавления осуществляемые, б) добавления, требующие разрешения,—обсуждаемые и в) добавления невыполнимые. Вот из этой третьей категории добавлений,—невыполнимых,—я вам кое-что прочту. Пожелания рабочих:

— «Разрешить торговлю в универмагах в воскресные дни и разрешить торговлю в будни в вечерние часы».

Ответ:

— «Нецелесообразно, так как не в интересах рабочего населения». (Шум, смех).

Тут есть и мотивировка:

— «Удлинение торговли в универмагах вечером нецелесообразно, так как выбирать предметы торговли вечером затруднительно».

А вот еще из этих добавлений невыполнимых. Пожелание рабочих:

— «Ограничить выпуск русской горькой, сократить в рабочих районах сеть магазинов, торгующих спиртными напитками, и открывать винные магазины в праздни и лишь на ограниченное время».

Видите, как скромны были рабочие.

Ответ Московского Совета:

— «Ограничение выпуска и сокращение торговли спиртными напитками нецелесообразны». (Смех. Звонок председателя. Аплодисменты. Голоса.—Продолжить).

Бауман.—Тов. Ларин, сколько вам надо минут?

Ларин.—Не больше 5 минут. (Голоса.—Дать, дать!). В связи с развитием пьянства и пьяного хулиганства многочисленные рабочие собрания выносят пожелания, которые Московский Совет также помещает в разделе «в»—«добавления невыполнимые». Они были следующие:

— «В качестве меры борьбы с хулиганством установить, чтобы на право ношения финских ножей давались соответствующие разрешения», чтобы не всякий хулиган мог свободно покупать финский нож.

На это Моссовет отвечает:

— «Нецелесообразно, так как финский нож легко может быть заменен другим видом холодного оружия». (Смех).

Товарищи, вы так живо реагируете на ответы Моссовета, что лишает меня моих пяти минут.

Мы писали в своем наказе о том, что из сотен московских церквей и синагог надо взять хотя бы 40—50, расположенных в рабочих районах, и открыть там кинематографы, —ведь, постройка нового кинематографа стоит 100 тыс. рублей, и мы не можем построить 50 новых кинематографов, но в уже построенных церквах открыть кинематографы стоит дешево, потому что надо только купить аппараты, поставить скамейки и т. п. Это дело не двигается. Я жалуюсь московской конференции на хвостизм и пассивность президиума Моссовета в деле борьбы с пьянством, которые являются ни чем иным, как приноровлением к предрассудкам и стремлениям тех отсталых слоев рабочих с остатками мелкобуржуазной души, которые влились из деревни и из мещанской среды и являются главными носителями пьянства и разложения трудовой дисциплины на наших предприятиях. Вместо воспитательной работы идет линия потворствования. Это должно быть изжито.

Так как мы не могли добиться от Моссовета никаких средств на борьбу с пьянством, то мы пошли в Совнарком, и Совнарком постановил обязать все местные советы, а значит, в том числе и Московский Совет, выделять из своих средств определенные суммы на организацию культурных чайных, новых кино и др. учреждений бытового отвлечения от пьянства. Я думаю, что теперь Моссовет в этом отношении кое-что сделает.

Но так как в Моссовете сидят люди крепкие, на которых один советский орган, скромный Совнарком, может быть, не подействует, то мы пошли еще в Центральный Комитет партии, сделали там доклад,—мы люди осторожные, с большим опытом,—пошли туда, сделали доклад, и после этого был издан циркуляр, который уже разослан в настоящее время всюду. Седьмой параграф его гласит следующее:

— «Деятельность противоалкогольных организаций наталкивается на значительные затруднения. Совершенно недостаточно участие в борьбе с алкоголизмом кооперации и профсоюзов. Горсоветы и их органы в ряде случаев проявляют волокиту и невнимательность к настояниям массовых собраний рабочих о закрытии водочной и винной продажи и пивных в районах их работы и об открытии в освобождающихся помещениях чайных и других культурно-бытовых учреждений, не требующих даже больших затрат. Печать должна активно содействовать изменению подобного отношения к делу борьбы с алкоголизмом».

Центральный Комитет дает здесь определенные указания, и я думаю, что вы дадите такие же определенные указания Московскому Комитету, чтобы обратил внимание на соответственную деятельность Московского Совета.

Теперь разрешите перейти к общему выводу из этого отдельного явления, которое я перед вами развернул. Что это значит?—Это значит, что в практике тех учреждений, где были сильны настроения, так называемого, примиренчества к правому уклону, где уживались с этим правым уклоном, не вели той борьбы, которая была необходима, что в практике этих учреждений при стопроцентном принятии резолюций в пользу линии партии—на деле, в жизни, можно было видеть осуществление линии, означающей капитулянство перед правыми настроениями, хвостизм. У нас в борьбе с пьянством также имеются как правый, так и левый уклоны. Левый уклон требует полного закрытия продажи алкоголя сейчас же, без всякой подготовки, левый уклон рассматривает это дело так же, как отсталые женщины-работницы, которые не считают важным обеспечение государственного бюджета другими доходами. Этот уклон для нас неприемлем. Другой уклон своим пассивным отношением тормозит борьбу с алкоголизмом. Надо отсюда сделать вывод—проверять все организации и всю их деятельность не только по их резолюциям, но по их практической работе, как они на практике, в обслуживании повседневного быта, в борьбе за поднятие культуры труда на наших фабриках,—как они осуществляют эту задачу. Это послужит выполнением завета Маркса, который сказал, что лучшей проверкой теории является практика, и это будет выполнением завета Ленина, который сказал:

— «Кто верит на слово, тот идиот». (Аплодисменты).

Первый год противоалкогольной работы.

Немногочисленно было первое учредительное собрание Московского общества борьбы с алкоголизмом,—всего около 100 человек собралось 16 февраля 1928 года. Но уже через 2 месяца, было созвано общегородское собрание, на котором было свыше 1000 человек.

Прошел год работы Московского общества борьбы с алкоголизмом и за этот период число членов увеличилось в 10 раз: на 1 марта 1929 г. в Москве 10 тысяч членов общества.

В каких же направлениях велась противоалкогольная работа?

Первая часть деятельности это организационная работа в самой Москве. В середине апреля 1928 г. у нас в пределах Москвы было около 1000 членов, на 1 января 1929 г. уже 7.803 человека, а на 1 марта около 10 тысяч. Кроме того, около $2^1/_2$ тысяч членов на 1 марта 1929 г. числилось в уездах Московской губернии.

Из всех членов организации на 1 января 1929 г. рабочих было 70%, на 1 марта даже 74%. Это значит, что три четверти членов нашего общества—рабочие, занятые непосредственно на производстве. Процент рабочих среди жителей гор. Москвы в два раза ниже. Понятно, что у нас в обществе процент рабочих гораздо выше, чем в населении, ибо в первую очередь организация наша есть организация рабочих, желающих избавиться от алкоголизма.

Что касается процента женщин, то на 1 января 1929 г. он был 25%, на 1 марта—32%, при чем этот процент колеблется чрезвычайно значительно по отдельным районам, доходя в одних случаях до 45%, а в других опускаясь до 8,5% (в Красно-Пресненском районе). В Красно-Пресненском районе на 2 тысячи членов Общества женщин приходится только 185 человек, совершенно незначительная величина. Между тем среди рабочих Красно-Пресненского района женщин имеется гораздо более значительный процент, чем 8%. Приходится, таким образом, установить в ряде случаев слабое вовлечение женщин в нашу работу, хотя казалось бы, что именно среди них она должна встретить живой отклик. Чрезвычайно слабое участие женотделов и делегаток—одна из причин.

Что касается партийцев, то среди членов общества на 1 января 1929 г. было 22% членов партии. На 1 марта было то же 22%. Это означает, что один партиец, член нашего общества, приходится на 60 человек партийцев, вообще имеющихся в Москве (включая кандидатов).

Если взять всех рабочих гор. Москвы и вспомнить, что в нашей городской организации около 7.500 рабочих, то-есть 74% от 10.000, то окажется, что из всех рабочих гор. Москвы в нашу организацию входит один из каждых 40 человек. Следовательно, участие партийцев в противоалкогольном движении значительно слабее, чем участие всех поголовно рабочих масс гор. Москвы. Это чрезвычайно неудовлетворительное участие партийных организаций по борьбе с алкоголем должно быть подчеркнуто с особой силой. Но еще хуже положение с комсомолом. Комсомольцев среди членов нашей организации на 1 января 1929 г. только 12%, на 1 марта 13%. Тоже величина устойчивая. Значит, участие комсомола еще слабее, чем партии. Слабее всех участвуют в нашем движении учащиеся: учащиеся вуз'ов, фабзавучей, учащиеся вечерних курсов и всех других общих и профессиональных заведений, имеющихся в Москве, начиная со школьников 2-й ступени. Всех их у нас имеется всего 700 человек. Это значит, что если не считать школьников низшего возраста, т. е. до 16—17 лет, то найдется лишь один человек из 150 учащихся, который участвует в противоалкогольном движении. Участие студенчества особенно ничтожно.

Если посмотреть, как распределены наши ячейки на 1 марта 1929 г., то окажется, что из 283 ячеек по г. Москве около двух третей на заводах и на фабриках (остальные при учреждениях, общежитиях и т. п.). Но по некоторым

районам на очень крупных заводах у нас очень маленькие ячейки, только по 15—20 человек. Есть, правда, ряд крупных предприятий с крупными ячейками, но многие все же еще не охвачены, когда рядом на средних предприятиях дело развивается хорошо.

Мы за год выросли в 10 раз, но в этом росте нет еще достаточной плановости. Необходимо увеличение плановости в организационной работе: подтянуться по женской, партийной и комсомольской линиям, по вовлечению учащихся, необходимо в плановом порядке охватить крупные предприятия. В каждом районе выделить ряд крупных предприятий и на них прежде всего сосредоточить работу.

Вовлечению партийцев, комсомольцев и т. д. должны помочь соответственные организации. Теперь здесь намечается как будто более активное отношение к вопросу. Вот, например, постановление Замоскворецкого райкома партии, который обсуждал доклад тамошнего районного нашего общества и признал, что хотя успех организационный, несомненно, имеется, но что все же необходимо усиление работы. Замрайком принял постановление, где сказано, что «необходимо всю систему культурной работы на предприятиях в большей мере приспособить для выполнения этой задачи», т. е. задачи борьбы с алкоголизмом.

Замрайком предлагает всем ячейкам ВКП (б) и фракциям завкомов ввести в план своей работы борьбу с алкоголем, содействовать ячейкам по борьбе с алкоголизмом на фабриках и заводах, поставить доклады о борьбе с алкоголизмом в секциях и на пленумах райсовета, в комсомольской и пионерской организации и т. д.

Общий вывод: необходимо от разбросанной, партизански построенной работы, как это у нас было в первый год, перейти теперь, когда мы укрепились, к работе плановой: намечать крупный завод и брать его штурмом, посылая туда целые группы агитаторов, ставя там доклады и применяя всякие другие средства, особенно посылку делегаций от ячеек других предприятий, где мы добились уже некоторых успехов.

Второй отраслью работы Московской организации по борьбе с алкоголизмом было содействие созданию таких же организаций в других местах нашего государства. Мы здесь в Москве образовали противоалкогольную организацию раньше других, поэтому она и должна была помочь организациям в других местах. Организация во многих местах происходила самотеком, в связи с газетными статьями и сведениями о начале этой работы в Москве, но часто этому предшествовала переписка с нами, а иногда и наш выезд на места. При нашей активной помощи было организовано Ленинградское общество борьбы с алкоголизмом. Теперь это крупная организация, имеющая около 11.000 членов и ведущая заметную работу.

Наши товарищи выезжали в Иваново-Вознесенск с теми целями. Недавно состоялся уже губернский противоалкогольный с'езд, на который от различных районов Иваново-Вознесенской губ. собрались представители от 7.000 членов. Там принято, между прочим, постановление Губисполкомом об уменьшении в нынешнем году количества водки в Иваново-Вознесенской губ. сразу вдвое.

Были и другие поездки. Недавно, например, мы послали на месяц агитационную киноэкспедицию в Донбасс, в Шахтинский район, со специальным докладчиком, с противоалкогольной выставкой и т. д.

Всего к настоящему времени по СССР имеются оформленные противоалкогольные общества, примерно, в 200 городах, с количеством членов более 120.000 человек.

В конце ноября 1928 г. состоялось совещание нескольких десятков более крупных местных организаций. Они постановили организовать общество борьбы с алкоголизмом в масштабе РСФСР и Всесоюзный совет. Уставы этих обществ должны были пройти через правительственные органы, нужно было также получить от СНК соответствующие дотации на работу и т. д. Теперь все предварительные работы закончены и в мае 1929 г. назначено уже первое собрание Совета общества по борьбе с алкоголизмом РСФСР и Всесоюзного совета. Тем самым с Московского общества будут сняты заботы об обслуживании других центров, для этого будет существовать самостоятельная организация.

По тем сведениям, которыми мы располагаем, можно установить, что за последние полгода, с августа 1928 г. по январь

1929 г., не менее чем в 103 городах произошли уличные демонстрации против алкоголизма. В 58 городах были проведены общегородские широкие рабочие конференции по борьбе с алкоголизмом, т. е. с участием всех организаций города. Далее, в 116 городах по почину противоалкогольного движения изданы были обязательные постановления местных советов по борьбе с алкоголизмом, по ограничению торговли водкой и т. п. В 5 городах начато преподавание против алкоголизма в школах. В 34 местах крестьяне отменили пьяные религиозные праздники в связи с агитацией наших организаций.

Но не всюду наша работа встретила должную поддержку. В значительной части пунктов, а именно в 104 городах, нашим организациям пришлось встретиться с противодействием различных местных органов, иногда горсоветов, иногда других, которых смущал непривычный для них натиск наших обществ против алкоголизма. Эти трения разрешены теперь Совнаркомом благополучно в нашу пользу изданием закона от 29 января 1929 г.

В настоящее время по СССР создана большая сеть организаций, организовались и собственные противоалкогольные центры РСФСР'овский, Украинский, Белорусский и др., которые будут весги эту работу сами, об'единяясь во Всесоюзном совете.

Третья отрасль нашей работы заключалась в подготовке актива, подготовке кадров из самих рабочих, которые могли бы сами вести противоалкогольную работу на предприятиях.

От прошлого времени нами унаследована группа врачей наркодиспансеров, которые первое время почти целиком выносили работу на себе. Но врачи нужны для диспансеров, нельзя систематически длительно отвлекать их от прямой работы, да и вообще наше дело только тогда может считаться прочно ставшим на ноги, когда оно сможет создать пропагандистов, агитаторов из рабочих на предприятиях. Вот почему летом 1928 года мы организовали первые курсы для нескольких десятков рабочих. Прошедшие эти курсы товарищи активно участвовали в проведении кампаний против продажи спиртных напитков в

Парке культуры и отдыха, затем они весьма энергично выступали в самом Парке в то время, когда он был открыт; проводили они кампанию по сбору резолюций и подписей в связи с проектом закона противоалкоголизма и т. д.

В зимний сезон 1929 г. такие специальные курсы организаторов, агитаторов и пропагандистов из рабочей среды уже организованы в каждом районе Москвы. Разработана программа для этих курсов, подготовляются и отчасти изданы некоторые учебные пособия. Кроме того, организованы центральные курсы повышенного типа.

Следующая отрасль нашей работы,—это непосредственная массовая работа. Вначале были учредительные агитационные собрания, проводившиеся по предприятиям силами врачей. Затем к ним присоединились те рабочие агитаторы и организаторы, которые прошли наши курсы. Перед открытием парка культуры и отдыха, коогда стал вопрос о том, что Моссовет хочет организовать там продажу пива, мы организовали первую специальную кампанию—сбор подписей. Поступило около 15 тыс. подписей рабочих московских предприятий с протестом против продажи пива в Парке. Кажый рабочий подписывался отдельно, с номером рабочей книжки, заверенной фабкомом. Результатом явилось решение Моссовета «пока» пива не продавать.

Вторая кампания проводилась в Парке культуры и отдыха после его открытия. Обществом борьбы с алкоголизмом там была организована противоалкогольная выставка, которую посетило за лето около 100.000 человек. Об'яснения интересующимся давались добровольно дежурившими работниками из Краснопресненской организации.

Третья кампания была проведена в начале октября 1928 г. в связи с внесением в Совнарком выработанного нами проекта закона против алкоголизма. В общем по Москве в течение двух недель были собраны резолюции по этому поводу от 45 тысяч рабочих и работниц.

Четвертая кампания проводилась в связи с отчетной кампанией Моссовета в ноябре 1928 года и с перевыборами его в 1929 г. Во время отчетной и перевыборной кампании Моссовета резолюции о борьбе с алкоголизмом были приняты

почти на 800 собраниях избирателей. Список фабрик и заводов, вынесших эти резолюции, настолько значителен, что даже без содержания этих резолюций, только голое перечисление, занимает 20 страниц большого формата—в изданном советом справочнике.

Мы подробно разработали наказ, который внес много существенного на происходивших выборах. На большом количестве предприятий наши требования принимались избирателями, как дополнения к общему наказу.

На первом же заводе, с которого открылась выборная кампания докладом тов. Молотова,—на Трехгорной мануфактуре, первое же дополнение к наказу Московскому Совету, которое внесли рабочие по его докладу, было, как сообщают газеты, как раз по линии борьбы с алкоголизмом. Впрочем и сам Московксий комитет партии включил в этом году в свой наказ требование (впервые), чтобы Моссовет значительно усилил и развернул борьбу с алкоголизмом.

Кроме этих специальных кампаний, которые за последний год проводились в Москве, проводились, разумеется, и текущие пропагандистские собрания, доклады, выступления на разных собраниях. За 3 месяца—с октября по декабрь—по всем 6-ти районам Москвы в среднем ежемесячно проводилось 392 таких собрания. В среднем на каждом собрании было 85 участников, а всего за 3 месяца через эти собрания прошло 100 тыс. человек. За следующие два месяца—за январь и февраль 1929 г. прошло через такие собрания тоже около 100 тыс. человек. Итак, за последние пять месяцев заслушали доклады, лекции, вечера вопросов и ответов, инсценировки и подобные различные противоалкогольные выступления—200 тысяч человек. Это, конечно, много, если вспомнить, что год назад ничего подобного не было. Но это мало в сравнении с той массой населения, которую нам нужно обслужить. Если мы за 5 месяцев обслужили 200 тыс. чел. своими докладами, лекциями, выступлениями и т. д., то за год, в лучшем случае, мы обслужим 500 тыс. человек. Между тем, в Москве рабочих и служащих, а также и членов их семейств, начиная от 16 лет, т. е. таких людей, к которым уже следует обращаться, имеется в настоящее время до полутора миллионов. Стало быть, если мы будем итти таким темпом, как в настоящее время, то пропустить 1,5 милл. человек через личную агитацию можно будет только за три года, да и то лишь по одному разу. Этот темп, конечно, неудовлетворителен. Необходимость усиления работы является обязательной.

Мы предполагаем организовать по передвижной выставке для каждого района, мы купим для них также и кино-передвижки. Кое-где начинают открываться противоалкогольные уголки на предприятиях. Например, по Замоскворецкому району есть уже 12 таких уголков. Придется значительно усилить возможность получения соответствующего их оборудования.

Необходимо, далее, усилить помощь со стороны санпросвета, политпросвета, комсомола, профсоюзов, парторганизаций; их всех необходимо вовлечь в эту работу. Особое внимание нужно обратить на развитие районных курсов агитаторов.

По нашей просьбе, Президиум Моссовета принял теперь постановление, в котором обязывает санпросвет и губполитпросвет значительно расширить противоалкогольную деятельность, согласовав их план с Обществом борьбы с алкоголизмом.

Наконец, необходимо вооружить наших работников той литературой, которая помогла бы им работать. Тем самым от четвертого вида нашей работы переходим к пятой отрасли деятельности нашей противоалкогольной организации.

Во-первых, примерно, с 15 июля 1928 г. мы начали издавать журнал «Трезвость и культура». За первое полугодие вышло 6 номеров и за последние два месяца—с 15-го января до 15 марта—еще 4 номера. Таким образом, вместо того, чтобы быть ежемесячным, журнал делается уже двухнедельным. Но этот журнал нас далеко не удовлетворяет. Во-первых, по недостатку бумаги печатается всего 30 тыс. экз.; во-вторых, было недостаточно обобщающего материала, сводящего воедино все, что делается в разных областях, слишком мало статей и слишком много мелкой хроники. Приняты

меры к тому, что бы эти недостатки были исправлены. Ограниченность тиража приводит к тому, что при наличии противоалкогольных организаций в 200 городах—плановая продажа журнала идет всего в нескольких десятках пунктов. Напр. из 30 тысяч экз. последнего №, по которому есть отчет, продано в розницу в Москве 4.700 экз., в Ленинграде 4.100 экз., в Баку 1.500 экз., в других 30 городах 9.550 экз., выслано годовым индивидуальным и коллективным подписчикам 7.550 экз. (теперь, к 20 апреля 1929 г., подписчики выписывают уже почти 15 тыс. экз.) и осталось и роздано бесплатно 1.600 экз. (преимущественно роздано бесплатно на мосгубпартконференции).

Что касается обеспечения нашего движения подходящими книжками, то здесь мы делаем следующее. Во-первых, тов. Дейчман написал книжку об алкоголизме, которая является основной сводной работой для агитатора и пропагандиста. Она издана нами совместно с «Московским Рабочим» в количестве 25 тыс. экз., которые уже разошлись. Сейчас печатается второе издание в количестве 35 тыс. экз. В Госиздате теперь печатается доставленная нами рукопись-книга д-ра Коровина «Опыты с алкоголем над животными и растениями». Там указываются такого рода опыты, которые легко показать в школе, в ФЗУ, на всяком собрании, в клубе, чтобы люди своими глазами видели, как алкоголь влияет на организм, как от него умирает растение и т. п. Эти опыты, несомненно, оживят наши выступления, они испытаны уже в нескольких школах и дали хорошие результаты. Дальше Госиздат печатает написанную по нашему предложению инструктором кооперации Новиковым книжку «Алкоголизм и кооперация», посвященную специально задачам кооперации в области борьбы с алкоголизмом. Далее вышла моя брошюра «Новые законы против алкоголизма» с приложением полного текста новых законов. Готовится к печати еще ряд книжек по различным вопросам, связанным с борьбой против алкоголизма. (Воронина „О крестьянском алкоголизме“, Бонч-Бруевича «Ленин о дурманах», Сборник программ для противоалкогольных курсов, Сборник противоалкогольных пьес для рабочих клубов и т. д.).

Организовали мы Книгобазу, которая поможет нам в дальнейшем наладить распространение всех книг, чтобы они шли, по возможности, по нашим ячейкам приготовили специальную кинофильму к пасхе, подготовили розыгрыши 2 миллионов книг и брошюр для отвлечения расходов от пьянства и т. п.

Вот что сделано пока по созданию и продвижению литературы, не считая издания плакатов и т. п.

Шестая отрасль нашей работы.—Это участие в проведении мероприятий по ограничению производства и продажи алкогольных напитков, т.-е. проведение соответствующих законов. Сначала мы развернули довольно широкую общественную кампанию—агитацию среди рабочих за издание этих законов. Эта агитация продолжалась около 7 месяцев. Мы разослали в 4.000 фабзавкомов крупнейших предприятий СССР проект нашего закона с просьбой поставить этот вопрос на обсуждение. Газеты довольно энергично поддержали нас, и провинциальные и столичные. По всей стране по рабочим предприятиям прошла волна обсуждения алкогольного вопроса, прочно поставившая его в порядок дня.

В 116 городах были изданы обязательные постановления, не ожидая общего закона. На почве этой подготовки произошло затем обсуждение законов в правительственных органах. Результатом явились, во-первых, постановления СНК РСФСР от 29 января 1929 г. об ограничении торговли алкогольными напитками вообще, которое удовлетворило ряд пожеланий, выставленных нами. Во-вторых, было принято особое постановление о прекращении торговли спиртными напитками кооперацией с тем, что кооперация должна постепенно свернуть эту торговлю в нынешнем году. Это сворачивание уже идет, и сейчас, например в Москве, кооперация продает вдвое меньше, чем продавала в прошлом году, а к 1 октября 1929 г. полностью закончится продажа спиртных напитков в кооперации.

В-третьих, правительство приняло решение об уменьшении производства водки на 492.000 гектолитров против утвержденного плана, т.-е. сразу почти на 10%. Главным образом, это уменьшение придется на города. Это дало воз-

можность совершенно отказаться здесь от открытия новых лавок Центроспирта, несмотря на прекращение продажи кооперацией. Согласно этому на полугодие апрель—сентябрь 1929 г. продажа водки уменьшается в среднем в городах на 30% и в деревнях на 15%—против полугодия октябрь 1928 г.—март 1929 г. В сравнении с летним полугодием 1928 г. теперь, постановлением НКТорга СССР от 8 апреля, продажа водки на летнее полугодие 1929 г. уменьшена по Москве почти на 40%, по Иваново-Вознесенску с губ. на 50% и по ДВК—на все 100%.

Наконец, Госплан СССР и затем СНК рассмотрел вопрос о производстве водки и пива и утвердил дальнейшее уменьшение на предстоящие годы, как пива, так и водки, как для города, так и для деревни. Госплан тем самым, в виде новых указаний правительства, отказывается от своих прежних программ увеличения водки и пива в стране. Наше общество настаивает, чтобы в эту же пятилетку полностью прекратить продажу в городах и на одну треть в деревнях. В применении к Москве все это затем было уточнено Моссоветом постановлением от 1 марта, которое 8-го марта, как раз в женский день, опубликовано в Известиях Московского Губисполкома. Это постановление Моссовета окончательно решает в нашу пользу почти все вопросы, которые были до сих пор спорными между нами и Моссоветом.

Моссовет предписывает, в частности, чтобы Моссельпром перевел свою пивоваренную продукцию полностью на другие безалкогольные производства. Конечно, в один день этого сделать нельзя, но во всяком случае МСНХ предписано проработать вопрос о плановом переводе Треста Моссельпром с пивоваренной промышленности на производство другой продукции. По техническому оборудованию пивоваренные заводы легко перевести на производство кваса и некоторых других напитков. В некоторых частях государства это уже начато. Производство пива в Москве сокращено уже на 30% против прошлого года.

Во-вторых, Моссовет постановил не открывать более новой продажи водки, виноградного вина и пива, так что совершенно отпадает вопрос об открытии новых лавок, а

также постановил пересмотреть ту сеть, которая уже существует, для определения, что из уже существующего надо закрыть. Этот просмотр поручается Райсоветам и Уисполкомам, совместно с Административным отделом. В пересмотре наши местные организации должны принять самое энергичное участие. При этом Моссовет постановил, чтобы во всяком случае обязательно была закрыта вся продажа алкогольных напитков, как водки, так и пива и виноградного вина вблизи школ, фабрик, заводов, воинских казарм и Бирж труда. Это то требование, на котором мы особенно настаивали и на неисполнение чего особенно жаловались наши представители. Теперь на обязанности наших организаций лежит проверять на местах, чтобы это действительно выполнялось. Моссовет запретил также продажу пива кружками на улицах из киосков, продажу в рабочих клубах, в парках и в местах рабочих прогулов и т. д.

Между прочим, когда обсуждался вопрос о продаже пива в рабочих клубах, то единственная организация, которая представила в СНК письменный протест против этого и настаивала на праве продажи пива в клубах, был ВЦСПС. Как это ни печально, но это факт. Будем надеяться, что больше такие ошибки не повторятся. Продажу пива в клубах Совнарком все же запретил.

Правда, в настоящее время, повидимому, руководителями профсоюзного движения осознано, что пассивное отношение к борьбе с алкоголизмом является отрицательным явлением и должно быть изжито.

Затем, помимо прекращения продажи водки, пива и вина в праздники, накануне праздников и в дни выдачи зарплаты, СНК и Моссовет приняли постановление и том, чтобы в будни были ограничены часы продажи. Наши местные организации должны принять участие в разработке этого вопроса в районных советах и Уисполкомах, которые должны будут установить, в какие часы можно будет торговать в будни.

Решено также привлечь к борьбе с шинкарством и нарушениями противоалкогольного законодательства рабочую об-

щественность. С этой целью АОМС принял предложение о предоставлении нашим дружинникам права составлять протоколы и т. п. Скоро будет издана подробная инструкция об этом. А СНК РСФСР утвердил специальное постановление об усилении борьбы с шинкарством, опубликованное в апреле в «Известиях».

В постановлении Моссовета есть один пункт, который не был в постановлении Совнаркома и который является отрицательным. Моссовет предлагает Моссельпрому преобразовать свои пивные в столовые-закусочные с подачей пива. Мы с этим не согласны.

Недавно в Москве, в феврале 1929 г., произведено обследование кооперативных столовых. Это обследование было произведено секцией Моссовета совместно с Институтом социальной гигиены. Были получены ответы на анкеты от 13.000 человек, постоянно обедающих в кооперативных столовых города Москвы. Из них высказалось за продажу в столовых пива или каких нибудь других алкогольных напитков только 8%, а 92% высказалось против продажи пива в столовых. Так вот, если против высказалось 92%, то зачем из за каких нибудь 8% заводить в столовых пивную пьянку?

Мы должны поставить перед Моссоветом вопрос об изменении этого пункта с тем, чтобы пивные Моссельпрома и столовые с подачей пива были преобразованы в культурные чайные и столовые с художественными развлечениями. МСПО, Коммунар и др. уже отказались от пива в своих столовых.

Седьмая отрасль работы нашего общества—это почин и содействие насаждению культурных и бытовых учреждений по отвлечению от алкоголизма и пьянства. За первый год достигнуто не только уменьшение числа рассадников пьянства, закрытие различных притонов и т. д., но и некоторый рост положительных мер. Так, средства, бросавшиеся раньше на обороты с водкой—МСПО пустило на увеличение заготовок мясных консервов, на увеличение сбыта кондитерских изделий увеличена торговля кооперации молоком, за счет сокращения производства пива значительно увеличено Моссельпромом втрое производство безалкогольных минеральных вод.

и т. д. Открыто также, правда, пока еще небольшое количество новых культурно-бытовых учреждений. По всему РСФСР (кроме Москвы) за последние полгода, в связи с нашей деятельностью, открыто около 300 учреждений по культурно-бытовому отвлечению от пьянства, в том числе, 57 культурных чайных с различными развлечениями, как эстрада и др. Открыто 12 наркодиспансеров и т. д. В Москве новых такого рода учреждений открыто очень мало, они насчитываются пока лишь единицами.

В некоторых районах есть постановление об открытии их, но они еще не выполнены. Мы считаем, что по этой линии нужно будет сделать главный удар, ибо постановление СНК дает для этого материальную опору, обязуя местные советы и кооперацию из своего бюджета выделять на это дело более крупные средства, чем они это делали до сих пор.

В частности, мы выдвигаем с этой целью также проект о закрытии части церквей и синагог в разных районах г. Москвы с передачей их под организацию рабочих клубов с кино и специальных кино. Рабочие на различных предприятиях выносят такие требования. У нас, например, есть резолюции общих собраний рабочих шести московских предприятий от 30 января 1929 г. и позже, о закрытии церкви «Рождества богородицы», принятые единогласно (на заводах «Арматура», «Трансмиссия», на фабрике «Свобода» и др.). Моссовет до сих пор не проводил этого в жизнь. Я думаю, что после последней губпартконференции, которая положительно откликнулась на эту мысль, дело подвинется быстрее.

Моссовет предполагал в 1929 г. построить около 10 кино, как сообщил тов. Уханов на пленуме Моссовета, с затратой на постройку для них специальных зданий до миллиона рублей. На такие деньги можно открыть 40—50 крупных кино, если приспособить для них существующие синагоги и церкви. Для верующих останется их в Москве еще несколько сотен. Мы подняли уже вопрос о выделении под кино 2% всех церквей и синагог СССР, что дает около 1.200 зданий, об обязательном устройстве домовых кино во всех строящихся новых больших жилых домах, об употреблении

на культурные фильмы половины всех средств, какие сейчас вообще идут на кино-фильмы (вместо теперешних 11%), об установлении государственных дотаций для приближения лучших театров к рабочим районам (включая поездки на Урал, в Донбасс и т. п.) и т. д. Разрешение этих вопросов идет благоприятно и практически почувствуется населением с осени 1929 г.

Мы ставим также вопрос об открытии в Москве 100 культурных чайных и о включении в программу московской промышленности по линии МСНХ и промысловой кооперации более значительного производства спортивного оборудования и его удешевления. Мы также ставим вопросы о приспособлении Измайловского зверинца и Сокольнического парка под культурно-оборудованные места массового рабочего гулянья, о расширении сети противоалкогольных диспансеров, об увеличении продажи безалкогольных напитков и т. п. Мы настаиваем на переводе жилтовариществ Москвы на устав жилищно-арендной кооперации, так как это даст возможность развить мероприятия по культурно-бытовому улучшению жизни. Ибо жиларендные кооперативы имеют право 10% валовых поступлений по дому обращать на коллективное обслуживание быта (радио-уголки, прачечные, кинопередвижки, ясли и т. п.), а жилтоварищества этого права лишены.

Этот вопрос также был спорным с Моссоветом, который, очевидно, не хочет лишиться этих 10% дохода. Но комиссия Совнаркома уже решила вопрос в том смысле, чтобы уже в 1929 году 2 района Москвы перевести на систему ЖАКТ'ов (намечаются, повидимому, Замоскворецкий и Красно-Пресненский районы). Окончательно это решит СНК.

Это даст по городу Москве сумму около 5 миллионов рублей в год, которые смогут пойти на создание учреждений бытовых и культурных, как красные уголки, домовые клубы, домовые кино и спортивные площадки и т. п. учреждения, отвлекающие людей от пьянства.

Последняя и восьмая отрасль нашей работы—это финансовая. Мы не касаемся здесь общества борьбы с алкоголизмом РСФСР, которое теперь уже образовано и имеет свои средства, гораздо более крупные, чем имеет Москва, потому

что обществу РСФСР СНК выдал 20 тысяч рублей, НКПС 15 тысяч рублей, Цусстрах—10 тысяч рублей и т. д. Московское общество по центральному правлению, не считая районов и ячеек, имело доходов за этот год 8.647 рублей. Израсходовано за этот год—4.947 рублей, на 21 февраля 1929 г.

Стало быть мы в среднем в месяц расходуем около 400 рублей. Сюда входят и расходы на заготовку выставок, плакатов, которые мы расклеивали по трамваям и заводам, содержание аппарата, почтовые расходы и т. п. Такой небольшой расход возможен был только благодаря бесплатности работы большого числа товарищей, для которых она была добровольной общественной нагрузкой, весьма значительной. В последнее время наше финансовое положение улучшилось благодаря тому, что Президиум ВЦИК закрепил за нами дом № 12 по улице Огарева. В этом доме помещение для большой столовой, которое мы сдали кооперативу «Коммунар». Самое общество занимает пока лишь 5—6 комнат—Правление, редакция журнала, книгобаза, ж.-д. секция. Мы сможем пользоваться залом для собраний человек на 200—250 и кроме того, там в запасе имеется ряд комнат, которые впоследствии пойдут под противоалкогольную показательную выставку, под киноотделение и т. д. (пока заняты жильцами).

Какие же задачи стоят перед нами?

Нам необходимо усилить плановость организационной работы, в частности в отношении охвата наиболее крупных предприятий, женщин и учащихся. Обратить внимание МК на относительную слабость участия в движении партийцев.

Организовать контроль на местах над осуществлением постановления Моссовета от 1 марта, выступить активно в вопросах пересмотра алкогольной сети и ограничения часов продажи по будням; настаивать на изгнании пива из столовых и закусочных; просить Моссовет запретить алкогольные напитки в вокзальных буфетах и издать инструкцию о привлечении дружин общества к борьбе с шинкарством и об усилении это борьбы.

Мы должны сделать упор на широкое использование возможностей развертывания культурно-бытовых мер по от-

влечению от пьянства, открытых постановлением СНК от 29/I-29 г. и Моссовета от 1/III-29 г., в частности, настаивать на передаче части синагог и церквей под кино и на открытии 100 культурных рабочих кафе-закусочных с художественными равлечениями.

Необходимо включить в план текущей работы общества оказание систематической поддержки противоалкогольному движению в 6 промышленных уездах Моск. губ. и приступить вместе с Шефским обществом и с обществом безбожников к воздействию на Московскую деревню.

Мы должны всячески поддержать начинающееся социалистическое соревнование предприятий, как мощное орудие нашего дела, выдвигая в частности мысль о премировании лучших заводов новыми учреждениями коллективного обслуживания быта.

15 апреля 1929 г.

СОДЕРЖАНИЕ